

УДК 323.28

*А.А. Цуркан*

### **Классификация политических моделей исламских стран с учетом фактора исламского радикализма**

*Институт США и Канады РАН; sirnik@msn.com.*

Исламский радикализм на практике имеет политическую окраску в достаточно жесткой страновой привязке, что исключает возможности его абстрактного изучения с целью анализа чисто теософского толкования, которое должно быть изъято из поля зрения политиков. Поэтому как бы ни старались экстремисты представить исламский мир в качестве единого и неделимого образования – своеобразной «единой мусульманской уммы», по факту такого единства и сплоченности не существует. В разных странах исламисты находятся в разных ситуациях, вплоть до диаметрально противоположных: где-то они действуют в виде подпольных религиозно-политических организаций, а где-то весьма гармонично сосуществуют с властями, что позволяет выстроить определенную логику классификации политических моделей исламских стран в контексте исламского радикализма.

Ключевые слова: *исламский радикализм, арабская весна, ваххабизм, Хизбалла, Хамас.*

Islamic radicalism has political underpinnings in enough tight state's linkage on practice. This fact excludes all the possibilities for its abstract research in order to analyze only theosophic interpretation which should be withdrawn from politicians' sight. So, however hard extremists try to present Islamic world as a united and indivisible formation – so called “united Muslim umma”, according to actual fact, there is no such unity and solidarity. Islamists appear to be in different situations in different countries right up to diametrically opposite: somewhere they act as clandestine religious and political organizations, while somewhere they coexist with authorities quite concordantly; that helps to create concrete logic of classification of political models of Islamic states in context of Islamic radicalism.

Keywords: *Islamic radicalism, Arab spring, Wahhabism, Hezbollah, Hamas.*

Исламские радикалы и экстремисты добиваются, чтобы исламский мир воспринимался в качестве единого и неделимого образования – своеобразной «единой мусульманской уммой», к которой так или иначе относят себя все мусульмане [11, с. 264]. При таком положении вещей радикалы составляли бы его неотъемлемую часть и автоматически получали бы поддержку своей деятельности от остальных членов всемирной общины. Такое видение «исламской угрозы», несомненно, способно приумножить значимость исламского радикализма и вселить страх в представителей иной, неисламской цивилизации.

На самом деле единства и сплоченности исламского мира в той степени, которую приписывают ему идеологи радикального ислама, не существует. Понятие *умма*, во многом номинальное, сегодня можно применить к

последователям ислама как таковым. Оно не исключает наличия у самих мусульман всевозможных различий, включая идеологические и доктринальные расхождения, а также несоответствие уровней жизни и различие политических систем. В свою очередь, именно эта разнородность и является одной из ключевых характеристик исламского мира, что влечет за собой разное восприятие и трактовку идеи «исламского радикализма».

Во многом «успешность» деятельности радикалов в арабских странах определяется исторически сложившимися устоями, текущей политической ситуацией и социально-экономическими условиями. Именно руководство государства, исходя из возможностей собственного политического веса как внутри страны, так и за рубежом, определяет официальную позицию и избирает приемлемую модель реагирования на попытки утверждения радикальной исламской идеологии в качестве единственной на государственном уровне. Большое значение в этой связи имеют позиции в стране религиозного руководства, которое в некоторых случаях оказывает непосредственное влияние на формирование единой политико-идеологической линии власти.

В то же время поддержку исламскому радикализму зачастую снизу оказывает «арабская улица». Г.Фуллер утверждает, что «хотя большинство людей, возможно, и приходят к исламу из глубоких религиозных побуждений, они все равно продолжают обладать ментальностью политического активиста, жаждущего изменить что-либо в сложившемся status quo» [17, с. 92]. Следовательно, желание реформировать традиционные общественные устои и политическую систему в целом возникает у среднестатистического гражданина в случае недовольства существующим положением вещей, что включает в себя материальное благосостояние, социальные гарантии и политическую стабильность.

Таким образом, в разных странах исламские радикалы находятся в разных ситуациях, вплоть до диаметрально противоположных: где-то они действуют в виде подпольных религиозно-политических организаций, а где-то весьма гармонично сосуществуют с властями, которые, в свою очередь, обеспечивают и экспорт исламистской идеологии вовне. Поэтому необходимо понимать, что исламу имеет политическую окраску в достаточно жесткой страновой привязке, что осложняет перспективу его абстрактного изучения, исключая его чисто теософское толкование.

Условно все основные мусульманские страны можно сгруппировать в несколько специфических политических моделей, построенных по принципу различия в отношении государственной власти к явлению исламского радикализма. Наиболее ярко выраженными и исторически сложившимися предлагается считать следующие модели: «гармония ваххабизма и государственной власти»; «исламизация политики в шиитском государстве»; «координация между светскими властями и исламскими радикалами»;

«умеренный исламизм в политической системе» и «конфронтация между светскими властями и исламскими радикалами». Однако под влиянием итогов событий «арабской весны», когда в ряде государств были легализованы происламские партии, впоследствии включенные в политический процесс, сформировалась дополнительная модель стран так называемого «переходного типа».

На данном этапе встает вопрос действительной необходимости подобного рода классификации исламских стран. Вместе с тем нельзя отрицать важности понимания процессов, происходящих в исламском мире сегодня. Полная неожиданность революционной волны, прокатившейся в регионе Большого Ближнего Востока в 2010–2011 гг., а также новых вооруженных конфликтов, которые за ней последовали (Ливия, Сирия, Мали), не только показала неготовность международного сообщества к адекватной реакции наподобного рода события, но и сказалась на усилении активности исламистов, пытающихся занять освободившиеся ниши власти. Следовательно, крайне важно проследить на конкретных примерах стабильность устоявшихся политических систем с целью возможной последующей корректировки внешнеполитического курса нашей страны.

Итак, первая модель «гармония ваххабизма и государственной власти» – это политическая модель Саудовской Аравии, главного союзника США на Ближнем Востоке. По сути дела, не было бы преувеличением назвать эту страну исламским государством радикального фундаменталистского типа, то есть таким государством, в котором господствует только одна идеология, а другие системы взглядов не имеют права на существование, а их последователи – права на свободное волеизъявление. Страна живет по основам шариата в его ваххабитском прочтении, и многие несоблюдения религиозных законов жестоко караются, вплоть до смертной казни. Строительство храмов, отправление культа или ношение собственной религиозной атрибутики последователями других вероисповеданий или даже иных направлений ислама пресекаются религиозным истеблишментом страны.

Политическая система Саудовской Аравии держится на двух базовых элементах: на королевской власти в лице потомков династии Саудидов, взявших на себя функции государственного управления, и на религиозной верхушке в лице потомков Абд аль Ваххаба – семьи Аль Аш-Шейх и примкнувших к ней улемов, которые призваны были отвечать за идеологизацию политики. Кроме того, две самые знатные аравийские семьи связаны между собой династическими браками, что еще больше укрепляет союз.

Тем не менее, избежать попыток одной семьи возвыситься над другой королевству не удалось. Как пишет А.Осипов, «проповедуемый ваххабитами родоплеменной “демократизм”, настойчивые призывы к упрощению и социальному равенству, отказу от обогащения и роскоши, строгому кон-

тролю со стороны религиозных авторитетов за соответствием действий властей кораническим предписаниям, притягательные для широких слоев населения, вызывают все большее раздражение в королевской семье» [12].

Со своей стороны власти пытаются ограничить влияние духовенства на политику, жестко регламентируя и распределяя обязанности в государстве, а также удаляя неудобных сановников<sup>1</sup>. Однако проводимые властью реформы не были призваны изменить положение существующего союза религии и политики, так как сама политическая верхушка не раз подчеркивала, что такой союз является «незыблемой основой саудовской государственности» [8].

Вместе с тем радикальный религиозно-политический курс государства, направленный на внутреннее потребление, не смог предотвратить деятельность подпольных экстремистских организаций. Устоям саудовского общества и государства противостоят те, кого политический истеблишмент называл сторонниками «заблудшей секты»<sup>2</sup> – «исламские *моджахеды* (курсив – Г.Г. Косача.), появление которых, как и осуществлявшиеся ими террористические акции, связывалось с организацией Аль-Каида» [9, с. 51]. И наряду с различными терактами, 27 августа 2009 г. сторонниками «заблудшей секты» было совершено беспрецедентное покушение на жизнь члена королевской семьи – попытка убить принца Мухаммеда бен Наефа бен Абдель Азиза, занимающего должность помощника министра внутренних дел по вопросам безопасности. По сути дела, лозунги религиозной оппозиции не отличаются от традиционных призывов ваххабитов к «очищению» ислама. Меняются лишь виновные в отходе от истинной веры – власть и клерикалы.

Экстремисты играют на одном поле с представителями официальной доктрины, и на сегодняшний день ни власти, ни духовенство не нашли эффективного способа искоренения религиозной оппозиции в собственной стране. Борьба с радикализмом экстремистских структур ведется путем арестов и понуждений к публичному раскаянию их членов. Вместе с тем в настоящее время такие меры по борьбе с оппозицией вызывают недовольство со стороны арабской молодежи, активизировавшейся после событий «арабской весны». Был отмечен даже ряд акций протеста, прокатившихся

---

<sup>1</sup>Например, 5 октября 2009 г. король Абдалла отстранил от должности члена Совета высших улемов Саудовской Аравии шейха Саад бен Насер Аш-Шасри за то, что тот ранее обвинил власти в отходе от религиозных основ и традиций в связи с планами ввести в новом международном Университете науки и техники имени короля Абдаллы совместное обучение мальчиков и девочек.

<sup>2</sup> Термин «заблудшая секта» восходит к первой суре Корана. В Коране сказано: «Веди нас прямым путем, путем тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших». Тем не менее, сегодня данный термин стали чаще заменять определением «преступники-террористы». Скорее всего, такая формулировка позволяет справиться с задачей разделения таких понятий, как *ислам* и *терроризм*, в доказательство того, что они не имеют связи между собой. В данном контексте слово *секта* выступает более религиозным термином. Кроме того, используя его, приходится опираться на принадлежность к какой-либо религии, а в данном случае исламу.

по стране. Поэтому руководство Саудовской Аравии, обеспокоенное политическими процессами, происходящими у ближайших соседей, заявило о выделении бюджетных средств на строительство жилья, об увеличении затрат на образование и социальные нужды, о дополнительном создании рабочих мест [10].

Вторая модель исламизации политики в шиитском государстве характерна для Ирана после Исламской революции 1978–1979 гг. Похожая модель исламского государства не сложилась ни в одной другой стране исламского мира. Аятолла Хаменеи называет ее «исламским республиканским строем» [2], вышедшим не из восточных и не из западных режимов, а из ислама.

Внешне иранский республиканский строй походит на западную демократию: здесь присутствуют система разделения властей и институт выборов, закрепленные Конституцией, утвержденной в декабре 1979 г. и дополненной в июле 1989 г. Тем не менее, надзор над всеми процессами в стране осуществляют религиозные авторитеты, которые сами не терпят сравнения с Западом, а собственное присутствие на политической арене объясняют феноменом «религиозного народовластия». Сочетание этих двух факторов – набора демократических институтов и противостояния Западу – является, по мнению Г.Фуллера, очень ценным и обеспечивает поддержку иранской модели в среде простых мусульман [17, с. 188].

Однако идея «экспорта исламской революции» не была воспринята однозначно в исламском мире. С одной стороны, в арабских странах, в которых почти 90 % мусульман являются суннитами, мысль об организации исламского правления под руководством шиитского Ирана была чужда по причине доктринальных различий этих двух религиозных течений. Здесь Иран опирался в основном на шиитское меньшинство. А наиболее значимых результатов на волне распространения идей исламской революции среди шиитов удалось добиться лишь в Ливане. Партия «Хизбалла», которая и по сей день остается «головной болью» как для самого Ливана, так и для соседнего Израиля, была создана в 1982 г. при содействии Корпуса стражей исламской революции как филиал иранской организации с таким же названием. С другой стороны, для радикальных экстремистских организаций суннитского толка Исламская республика Иран является примером исламского государства, которое они, по их заявлениям, стремятся построить.

Успеху исламской революции в самом Иране, по мнению главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН Г.И.Мирского, способствовало сочетание трех составляющих – религиозной основы протестов, сильного лидера и конкретного врага [14]. До сих пор похожих условий, необходимых для смены режима в этой стране, создано не было. Тем не менее, в акциях протеста против под-

тасовки голосов на последних президентских выборах, прокатившихся в июне и в декабре 2009 г., произошло «идеологическое столкновение» между сторонниками режима и оппозицией, хотя оппозиция – это довольно условное понятие для сторонников занявшего второе место после М. Ахмадинежада, кандидата на пост президента Ирана, экс-премьера Исламской республики Мира Хосейна Мусави.

Целью уличных акций протеста был исключительно пересмотр итогов выборов, которые, по утверждению аятоллы Хаменеи, являются «символом исламского движения» [6]. Никакой принципиально новой предвыборной платформы Мусави не выдвигал, что позволяет сделать вывод о том, что даже в случае его победы на выборах<sup>1</sup>, сильных изменений курса не ожидалось. Но какими бы не были сегодня прогнозы развития ситуации в Иране, очевидным остается одно – митинги оппозиции в июне и декабре 2009 г. являются беспрецедентными для страны со времен Исламской революции, что свидетельствует о высоком уровне недовольства населения политикой правящей верхушки.

Тем не менее, революционная волна 2010–2011 гг. в арабском мире затронула Иран лишь частично, не отразившись на сложившемся режиме. Прошли слухи о возможном импичменте М.Ахмадинежада из-за конфликта с аятоллой Хаменеи, вызванного отставкой одного из министров правительства. Хаменеи восстановил в должности уволенного министра, в связи с чем президент пошел на недельное бойкотирование своих должностных обязанностей. Однако так называемое «противостояние светской и религиозной власти в стране» разрешилось пока «бескровно», оставив после себя твердую уверенность в том, что религиозная власть в стране скорее пойдет на смену президента, чем согласится на полноценное или хотя бы частичное реформирование режима. И, несмотря на то, что в Иране развернулась широкая дискуссия, инициированная аятоллой Али Хаменеи, о возможности упразднения должности президента и усиления роли парламента, важно помнить о подконтрольности светских институтов верховному лидеру республики аятолле Хаменеи, представляющему религиозную власть, из чего следует, что подобный вариант развития событий нельзя в полной мере назвать политической реформой.

Третья модель координации между светскими властями и исламскими радикалами сформировалась в политической жизни Ливана и Палестинских территорий (Сектор Газа и Западный берег реки Иордан), где исламские радикалы вышли на тот уровень, когда светские власти уже не могут с ними не считаться. Построение исламского государства здесь является

---

<sup>1</sup> Предварительные опросы населения Ирана и популярность М. Ахмадинежада позволяют утверждать, что перевес в количестве голосов при проведении выборов без подтасовок все равно оставался бы на его стороне. Речь идет только о сокращении разрыва результатов голосования. По официальной информации по итогам выборов президент Ирана Махмуд Ахмадинежад одержал уверенную победу, набрав более 60 % голосов, когда его основной соперник, Мир Хосейн Мусави – более 30 %.

программной задачей политических партий «Хизбалла» и «Хамас», которые широко представлены в местных парламентах. Но в то же время от лица этих организаций регулярно совершаются террористические акции и ведется борьба против государства Израиль, что послужило причиной для их включения в международные списки террористических организаций большинства западных стран.

Однако следует признать, что именно в этих двух странах основной причиной радикализации ислама в целом является арабо-израильский конфликт и его последствия. Даже бывший премьер-министр Израиля Э. Барак в 2006 г. признал, что именно нахождение на территории Ливана израильских войск послужило толчком к образованию партии «Хизбалла» [19, с. 478]. Похожий вывод справедлив и для партии «Хамас». Как отмечают российские исследователи К.И.Поляков и А.Ж.Хасянов, «рост религиозных настроений в палестинском обществе стал в какой-то степени альтернативой светской трактовке борьбы за независимое государство палестинцев» [13, с. 146–152]. Директор Арабского медиа-проекта в Кэмбридже Х.Хруб, например, считает «Хамас» «естественным предсказуемым ответом палестинцев на неестественные, бесчеловечные условия израильской оккупации» [18, с. IX].

Помимо внешних причин поддержки этих исламских партий значительной частью населения (что позволяет им находиться у власти на законных основаниях), можно сразу выделить еще и две внутренние причины, характерные как для Ливана, так и для Палестины: утрату доверия избирателей к светским политическим движениям в связи с их коррумпированностью и работающую социальную программу исламских партий. Можно также предположить, что за годы светского правления, население этих государств не получило требуемых минимальных социально-экономических благ, которые теперь пытается рассмотреть в предлагаемых исламистами программах. По сути, поддержка на выборах радикалов – это ответ избирателей на систематическое неисполнение светскими партиями их предвыборных обещаний.

В сложившихся условиях светским властям приходится находить точки взаимодействия с радикалами и сотрудничать с ними в целях принятия решений по важным государственным вопросам и по вопросам управления государством. И кооперация не всегда проходит гладко. Наоборот, победа «Хамас» на выборах в Палестинский законодательный совет в 2006 г., по итогам которых представители движения заняли 74 из 132 мест в парламенте, например, привела к гражданской войне между основными участниками палестинской политики: светской националистической партией «Фатх» и исламскими радикалами. Перемирие, итогом которого должно стать проведение очередных муниципальных, парламентских и президентских выборов, а также формирование правительства национального единства, было достигнуто лишь в мае 2011 г. в ходе встречи руководства вра-

ждующих сторон в Каире. Однако на сегодняшний день дата новых выборов так и не назначена.

В Ливане ситуация несколько иная. Несмотря на популярность партии «Хизбалла», пока существует система конфессионального деления политики Ливана, которая в соответствии с Таифскими соглашениями в долгосрочной перспективе должна быть упразднена<sup>1</sup>, она не сможет получить как минимум 30–40 % депутатских мандатов, а ее лидер Хасан Насралла – стать президентом страны [3]. Тем не менее, конфликты случаются во время формирования правительства национального единства. Например, в 2009 г. почти пять месяцев потребовалось, чтобы сформировать кабинет министров, тогда как треть министров была отправлена в отставку, что в итоге привело к отставке всего кабинета. Причиной кризиса и маршей протеста стала публикация документов специального трибунала ООН по Ливану, созданного для установления виновных в совершенном 14 февраля 2005 г. в Бейруте убийстве премьер-министра Рафика Харири и привлечения их к судебной ответственности. Кроме того, фиксируются и отдельные столкновения между этнорелигиозными группами. В частности, в Триполи летом 2012 г. отмечались вооруженные столкновения между жителями суннитских и алавитских кварталов.

Четвертая модель – «умеренный исламизм в политической системе» – встречается в Иордании и Марокко. В политический процесс в этих двух странах включены происламские силы, которые, как считается, «находятся в конструктивной оппозиции по отношению к властям и проводимой ими либерализации и демократизации, отражая в основном интересы неимущих слоев населения» [4]. По сути дела, в обмен на дозволение официального участия в политической жизни страны исламистские партии сохраняют лояльность по отношению к монархическому режиму и выступают за незыблемость устоев монархии<sup>2</sup>. Подобный исламистский активизм в научных кругах принято обозначать как умеренный исламизм, который, как отмечает востоковед-историк Б.В.Долгов, «отвергает практику политического террора и существует в форме легально действующих политических

---

<sup>1</sup> Создание высшего совета по отмене конфессиональной системы в Ливане было предусмотрено в 1992 г. в соответствии с Таифскими соглашениями. Однако такой совет так и не был создан.

<sup>2</sup> Однако официальная идеология или позиция лидеров движения может не совпадать с мнением простых участников и, более того, стать причиной раскола и радикализации отколовшихся группировок. Например, от марокканского движения «Справедливость и благодеяние», находящегося в оппозиции к правительству, но не к королевской власти, и получившего одно депутатское место на последних выборах в стране в 2007 г., отошла группа, выступающая за замену власти монарха советом улемов. Тем не менее, само движение все еще остается промонархическим. Идеологический раскол, в ходе которого поднимался наряду с другими вопрос легитимности королевской власти, наблюдался и в строю иорданских «Братьев-мусульман» между двумя молодыми лидерами: Абу Мухаммедом Аль-Макдиси и Абу Мусабом Аз-Заракауи [7]. Первый в обмен на возможность участия в политическом процессе в стране отказался от излишне радикальных взглядов и продолжил заниматься партийным строительством Фронта исламского действия, а второй превратился в сторонника Осамы бен Ладена и создал ячейку «Аль-Каиды» «Джунд Аль-Шам» с зоной ответственности в Сирии, Ливане и Иордании.



партий либо общественно-просветительских, благотворительных и правозащитных организаций» [5].

Тем не менее, неприятие террора вовсе не означает умеренности в лозунгах и целях подобных политических сил, что заставляет задуматься об их действительной принадлежности к разряду умеренного направления ислама и обратить на них внимание. Например, иорданская оппозиционная партия Фронт исламского действия призывала арабский мир к единству в «священной войне против осквернения исламских святынь» Иерусалима, в поддержке «справедливого сопротивления арабского народа Палестины и в помощи ему людской силой и оружием» [15] и осудила визиты премьер-министра Израиля в Иорданию и президента США на Ближний Восток [16]. Но, несмотря на остроту высказываний, официальная власть призывает к диалогу и совместной работе с исламистскими партиями, так как здесь полагают, что опасность экстремизма заключается именно в попытках его подавить и не дать обозначить свою точку зрения [1].

Такая политика имеет как свои преимущества (в частности, это дополнительная возможность показать Западу уровень развития демократических структур и плюрализма в собственных странах, а также попытка убедить радикалов использовать законные методы политической борьбы с целью продвижения идеалов и утверждения собственной идеологии), так и недостатки (существующие исламские партии в этих странах не способны охватить весь происламский электорат, что в результате приводит к ниспадающей активности внесистемных исламистских движений).

В целом, политическая модель подобного рода показала свою относительную эффективность во время волны протестов, прокатившихся по ближневосточному региону на рубеже 2010–2011 гг. Исламские протестные силы Иордании и Марокко сохранили свой статус умеренного оппозиционного движения, выступающего за конституционные и социально-экономические реформы, направленные на улучшение условий жизни граждан и на определенные политические преобразования, но действующие в рамках заданных системных парадигм. Поэтому все вышеизложенное позволяет утверждать, что политика вовлечения умеренных исламистов в политическую действительность отдельных государств, в которых, к примеру, имеются к этому определенные предпосылки и условия, позволяет избежать ситуации религиозно-идеологической напряженности, уводя страну от возможности вызревания радикальной исламской угрозы.

И, наконец, последняя устоявшаяся политическая модель – модель противостояния светских режимов и исламских радикалов, в которой светские власти сделали выбор в пользу борьбы с радикальной исламистской оппозицией, является наиболее распространенной в арабском мире. Происламские партии здесь запрещены, но исламисты иногда получают возможность участвовать в выборах в качестве независимых кандидатов.

В государствах, выбравших за основу политического устройства указанную модель, прослеживается единая позиция – включение исламских радикалов в политический процесс влечет за собой угрозу создания реальной оппозиции существующей власти и государственному устройству. Это, в свою очередь, может вызвать дестабилизацию региона в целом, т. к. в большинстве мусульманских государств арабского мира правящий режим не поддерживает участие радикалов в политике собственных стран.

Модель борьбы с радикальными происламскими движениями была выбрана государствами не сразу, а в силу их уникального исторического опыта. Кроме того, во всех странах, выбравших эту модель, террористическая активность исламских радикалов и их некая популярность в обществе проявляются по-разному. В частности, в Алжире исламисты исключены из политической жизни, но они по-прежнему противостоят власти, а их позиции до сих пор сильны. В Сирии вследствие событий «арабской весны» продолжаются гражданское противостояние и вооруженный конфликт<sup>1</sup>.

И, наконец, в Ираке и Афганистане, несмотря на неурегулированность обстановки и на отсутствие авторитета светской власти на территории этих стран, представители этой власти встали на путь противостояния радикальной исламской агрессии и исключения из официальной политической борьбы партий, строящихся на религиозной основе<sup>2</sup>. Тем не менее, перечисленные страны не являются единственными представителями данной политической модели.

Однако в ходе смены политических режимов в ряде государств, максимально затронутых событиями «арабской весны», именно эта модель оказалась наименее устойчивой. Ряд стран по итогам революционной волны в арабском мире рубежа 2010–2011 гг., выразившейся, в частности, в смене политических режимов и в легализации прорелигиозных общественно-политических движений и партий, выделились из нее и оказались в несколько пограничном положении.

Теоретически, сам факт официального разрешения на участие в политике происламских сил выводит Тунис и Египет за скобки модели противостояния светских режимов и исламских радикалов, к которой они принад-

---

<sup>1</sup> Включенность Сирии в данную политическую модель несет в себе в настоящее время некий элемент условности. Так, до событий «арабской весны» в этой стране не фиксировалась значительная исламистская террористическая активность, а радикальные исламские идеи были мало популярны в среде местного населения. Но в дальнейшем многое будет зависеть от способа разрешения сложившегося политического кризиса.

<sup>2</sup> Однако официальная власть в этих странах занимает все еще хрупкое положение, а ее легитимность долгое время поддерживалась иностранным военным присутствием. Эффект этого присутствия двоякий: с одной стороны, западные воинские контингенты помогали обеспечивать порядок и относительную политическую стабильность, а с другой стороны, они выступали в качестве катализатора беспорядков и дестабилизатора обстановки, так как исламские радикалы использовали их как внешнего врага, против которого необходимо бороться.

лежали ранее. В эту же модель вписывалась и Ливия со своей формой правления – Джамахирией. Однако однозначно вписать эти страны в какую-либо из существующих моделей уже сегодня представляется проблематичным, т. к. пока можно только предполагать: повлечет ли легализация исламистов реальные изменения политической ситуации в стране и повлияет ли на расстановку политических сил. По той же причине рано говорить и о какой-либо отдельной модели, характерной исключительно для этих государств, пока не выкристаллизовались сугубо ее отличительные черты. Этим объясняется отнесение Туниса, Египта и Ливии к так называемой переходной модели с условием, что вектор развития исламизма по итогам событий «арабской весны» в этих государствах должен быть подробно исследован отдельно.

Подводя некий итог в рассмотрении политических моделей арабских стран в контексте исламского радикализма, можно сделать вывод, что те модели, в которых в той или иной мере присутствовала включенность религии, показали свою относительную стабильность перед лицом одного из важнейших испытаний на прочность – революционной волны 2010–2011 гг., прокатившейся по региону. И напротив, в тех государствах, где прорелигиозные политические силы были исключены из легального политического процесса, произошли ключевые изменения. Так, в последних умеренные исламисты рассматриваются сегодня как возможная альтернатива предыдущему светскому режиму, тогда как в других странах этот вариант уже был частично опробован.

Однако можно утверждать, что имевшие место в России прогнозы дестабилизации ситуации в связи с угрозой прихода к власти исламистов в случае смены политических режимов не оправдались и политические стереотипы относительно роли религии в государстве сохранились. В значительной степени сами представители радикальных религиозных течений оказались неподготовленными к революционному развитию событий и не смогли возглавить протестные движения.

Тем не менее, в ряде стран (Тунис и Египет) исламисты со сменой режима получили преимущество в качестве легализации собственного статуса. Вместе с тем, говорить о коренном изменении политической модели в данных странах по типу ожидаемой американцами демократизации пока рано в силу отсутствия каких-либо последствий от подобной легализации и смены режима. В принципе, предпосылки вхождения происламских партий во власть сложились заранее: в Тунисе толчком послужило развитие плюрализма, в Египте – высокая активность «Братьев-мусульман» на протяжении их почти столетней истории.

В целом же вышеописанные модели отличаются устоявшейся стабильностью, поддерживаемой сложившимися общественно-политическими устоями.

#### Литература

1. «Белая революция» в Иордании: интервью с чрезвычайным и полномочным послом Королевства Иордании в РФ Абделем Илахом Курди. (<http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/03/523/61.html>).
2. Взгляд великого лидера Исламской революции на религиозное народовластие. ([http://russian.khamenei.ir/index.php?option=com\\_content&task=view&id=354&Itemid=73](http://russian.khamenei.ir/index.php?option=com_content&task=view&id=354&Itemid=73)).
3. *Волович А.А.* «Кедровая революция»: миф или реальность? (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/06-04-05.htm>).
4. *Долгов Б.В.* Между демократией и исламизмом: политическое развитие арабского мира. ([http://www.perspektivy.info/misl/idea/mezhdu-demokratieiy\\_i\\_islamizmom\\_politicheskoe\\_razvitiye\\_arabskogo\\_mira\\_\\_2009-2-30-37-50.htm](http://www.perspektivy.info/misl/idea/mezhdu-demokratieiy_i_islamizmom_politicheskoe_razvitiye_arabskogo_mira__2009-2-30-37-50.htm)).
5. *Долгов Б.В.* Политический ислам в современном мусульманском мире. ([http://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/politicheskiiy\\_islam\\_v\\_sovremennom\\_musulmanskom\\_mire\\_2007-9-4-40-54.htm](http://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/politicheskiiy_islam_v_sovremennom_musulmanskom_mire_2007-9-4-40-54.htm)).
6. Из выступлений великого лидера Исламской революции на церемонии 16 годовщины со дня кончины Имама Хомейни (да будет над ним милость Аллаха!). ([http://russian.khamenei.ir/index.php?option=com\\_content&task=view&id=260&Itemid=73](http://russian.khamenei.ir/index.php?option=com_content&task=view&id=260&Itemid=73)).
7. *Курсанов Е.Е.* Иорданские «Братья-мусульмане»: террористы или политики? (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/18-01-09a.htm>).
8. *Косач Г.Г.* «Группа сорока четырех» наносит удар // НГ-религии. 21.10.2009.
9. *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: внутривнутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 г.). – М., 2007.
10. *Нечитайло Д.А.* Аль-Каида на Аравийском полуострове в Саудовской Аравии ([http://www.iimes.ru/rus/frame\\_stat.html](http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html)).
11. *Ньюби Г.* Краткая энциклопедия ислама. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2007.
12. *Осинов А.* Саудовская Аравия: проблемы модернизации ([http://www.rau.su/observer/N02\\_99/2\\_09.HTM](http://www.rau.su/observer/N02_99/2_09.HTM)).
13. *Поляков К.И., Хасянов А.Ж.* Палестина: перспективы независимости и проблема лидерства // Политическая элита Ближнего Востока. – М., 2000.
14. *Рачева Е.* Аятолла сказал свое слово // Новая газета. – 2009. – № 65.
15. Фронт исламского действия призвал к «священной войне» против Израиля // Мир религий. – 2001. – 1 августа.
16. «Фронт исламского действия» против // Наш мир. – 2008. – 4 янв.
17. *Fuller G.* The future of political Islam. – New York: Palgrave Macmillan, 2003.
18. *Hroub Kh.* Hamas: a beginner's guide. – London: Pluto Press, 2006.
19. *Norton A.* The role of Hezbollah in Lebanese Domestic Politics // International Spectator. – 2007. – December 7.

*Поступила в редакцию 26 апреля 2013 г.*